

Амальрик Венский (Шартрский диоцез) (ум. 1206 или 1207) — преподаватель логики и теологии в Париже. Еще при жизни он был обвинен в обучении опасным доктринам, но первое известное нам официальное осуждение его учения относится к 1210 г. Тогда существовала группа «амальриканцев» («amauriciani»), учение которых стало объектом церковной цензуры. Амальрик, следуя толкованиям Генриха из Сузы (Ostiensis)*, якобы учил, что Бог—это всё (dixit quod Deus erat omnia). Такое утверждение вполне правдоподобно, если вспомнить о возрождении в ту эпоху влияния Эриугены или просто формулу Дионисия: Бог есть «esse omnium»**. Если вслед за св. Бернардом это понимать в смысле «esse causale»***, то в этом нет ничего плохого; если же понимать в том смысле, что Бог — это по существу то же самое, что вещи, тогда речь идет о чистом пантеизме. Мы не знаем, как это понимал Амальрик, но он был обвинен в том, что его понимание соответствовало пониманию Эриугены, который, в свою очередь, подвергся обвинению в понимании указанной формулы во втором смысле. И в самом деле, приписываемые ему аргументы очень похожи на

аргументы «диалектиков» XII века, рассуждавших о догматах с помощью силлогизмов и поражавшихся следствиям, которые можно было в этом случае из них вывести. Св. Павел сказал: «Да будет Бог всё во всем»****; рассуждаем так: Бог неизменен, значит, Он уже таков, каким будет; значит, Он уже есть всё. Св. Иоанн сказал о Боге: «В Нем была жизнь»*****; рассуждаем так: все, что есть в Боге, есть Бог; но все, что Бог сотворил, — это жизнь в Нем, следовательно, Бог есть все, что живет. Применяя это заключение к теме «единства» («de unitate»), амальриканец по имени Бернар рассуждал так: всё едино, так как всё сущее есть Бог; следовательно, поскольку я есмь, меня не могут ни сжечь, ни пытать, ибо, так как я есмь, я есмь Бог. Нам крайне затруднительно раскрыть истинные мысли Амальрика, скрывающиеся за рассуждениями подобных учеников и даже за рассуждениями, приписываемыми ему самому. Сталкиваемся ли мы здесь с метафизическо-диалектическими парадоксами или со словесными крайностями, которые невозможно принять, не соглашаясь хоть в какой-то степени с их смыслом? Или нужно допустить, что Амальрик в самом деле отождествлял Бога с тварью? Эти вопросы остаются без ответа. Тот факт, что он, по всей вероятности, принял учение Эриугены о те-офаниях и отнял у нас возможность блаженного зрения, никак не свидетельствует, что Амальрик был пантеистом, в чем его обвиняли; ибо мы не знаем, как он толковал Эриугену, и у нас есть основания не доверять ему, когда мы узнаём о его толкованиях св. Иоанна и св. Павла. Единственные очевидные факты — это то, что его формулировки были осуждены как ложные и что знакомство с ними было опасно в то время, когда, воспринятые катарями, или альбигойцами, они почти что дошли до толпы. Интересно отметить, что уже в 1225 г. Аль-берик из Труа-Фонтене попытался в своей «Хронике» освободить Эриугену от всякой ответственности за подобное развитие событий: «Он подвергся осуждению по вине но-

291

1. Греческое и арабское влияния

вых альбигойцев и лживых теологов, которые, превратно толкуя его формулировки, высказанные когда-то в правильном смысле и в простоте душевной принятые древними, постоянно их искажали и находили в них источник ересей». Быть может, Эриугена и заслуживал осуждения, однако совсем за другие утверждения, нежели те, которые были осуждены в 1210 г.

Другим свидетельством смятения умов в ту эпоху является творчество Давида Динанского, автора сочинения «Об отрезках, или о делениях» («De tomis, id est de divisionibus»)*; возможно, это то же самое сочинение, что и «Четверки» («Quaternuli»),